Вот и я!

Татьяна Дубровская

Татьяна Дубровская
Вот и я!

https://litres.ru/74703517
SelfPub; 2026

Аннотация

Короткие рассказы и миниатюры для тех, кто умеет замедляться. Эта книга — приглашение остановиться, выдохнуть, посмотреть и увидеть.

Приятное чтение для свободного вечера.

Содержание

А из нашего окошка…	4
Великий уравнитель	9
«Я был такой весёленький…»	10
У попа была собака	11
Распустила Таня косы	18
Кто за что – поднимите руки	21
Конфетка, белочка, котлетка	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Татьяна Дубровская
Вот и я!

А из нашего окошка…

… только улица немножко

Вот и я!

Дети галдели и совсем не обращали на него внимания, а он снова и снова чирикал тоненьким голоском: «Вот и я!» Дома, наверное, услышал.

Каждый начинает с «Вот и я!», впервые набрав воздух в лёгкие, и потом повторяет всю жизнь – чаще мысленно (предъявляя миру символы успеха), иногда вслух. «Вот и я!» – и кто-то, не очень нужный, будет радоваться, а кому-то, очень нужному, будет безразлично.

В старости – всё время вслух, в виде постоянно повторяющихся рассказов о прошлом. Слушатели будут суетны в повседневных заботах и рассказы эти будут знать наизусть и потому слушать будут вполуха. На бегу. И будут даже (и даже раздражённо) просить не повторять одно и то же по сто раз, не осознавая, что это, собственно, и не рассказы вовсе, а просто последнее «Вот и я!».

И качели наши…

Двое друзей-мальчишек договариваются, строят планы, сидя на вершине лесенки-дуги: «Завтра утром встанем пораньше, позавтракаем и выйдем. И качели наши».

Да что там качели – весь мир! Под огромной черёмухой. Лето стрекочет кузнечиками, а у них – самокаты и музыка своя, из телефона. Цветастый ковер-самолёт с дельфином в центре. Две пары сандалий оставлены на траве «у входа». Завтра под ними появится коврик-прихожая. На голубом дельфине – кирпичики конструктора, медведь плюшевый, пакетик чипсов. Над головой – черёмуха и мама на балконе…

***

«И качели наши», – сиплым голосом сказал Марко, а тощий, похожий на гуся-подростка «Горошек» с ним радостно согласился.

Хотя, нет! Марко сказал тогда: «Теперь всё должно быть наше. Весь мир наш!» Но «весь мир» не поддавался и уворачивался. И однажды просто схлопнулся и исчез.

Ma si vene stasera… Потанцуй ещё, «Горошек»! Оболтус ты этакий!

Сумка

Вдоль дома шёл мужчина с сумкой. Вороны облетали его и садилась спереди. Мужчина проходил мимо (покрошить было нечего), а они, чуть выждав, снова залетали ему наперёд.

Мужчина шёл по прямой с постоянной скоростью, вороны точно выдерживали дистанцию, и вся эта картина напоминала какой-то старинный танец-шествие или мост, где мужчина чертил горизонталь, а вороны рисовали чёрные кружевные арки.

Вороны знали мужчину и хорошо понимали сумку, совсем как малые дети, коты и собаки.

Например, как белоснежный на фоне травы и желтоватый на фоне снега улыбчивый самоед Макс, который просто отбирал сумку/пакет/корзину у всякого, кто притормаживал, чтобы обменяться парой фраз с его хозяином. И хозяину приходилось угрожать и делать вид, что у него в руках газета и что он собирается хлопнуть самоеда этой газетой по носу: «Газета, Макс! Газ-з-зета!». А самоед знал, что хозяин блефует, и добычу не отдавал.

Лёд

За верандой с крыши натекла вода, а потом замерзла лужа.

Один «космонавт» отклонился от орбиты гуляющей по участку группы и пошёл за веранду. Поскользнулся, упал, попытался встать – не вышло. Пришлось выбираться на берег ползком. Выбрался, постоял, подумал, опустился на четвереньки и лизнул лёд. Снова выполз, постоял, подумал, встал на четвереньки и ещё раз лизнул.

«Так вот ты какой, Лёд!»

Ты чего?

Седой, но с виду очень крепкий мужчина заново учил свою ногу ходить. Он выбрасывал её вперед, с помощью трости переносил на неё, непослушную, вес своего тела, а затем придвигал вторую, более удачливую ногу. Шаг, приставить. Пауза. Шаг, приставить…

Кот сидел совсем в стороне, совсем не на пути, и сосредоточенный на себе мужчина даже не взглянул на него ни разу. А кот прицепился смотреть. Но не как на птицу. У кота в голове была чёткая система распознавания. Он знал людей, и знал, что люди так не ходят. И чем дольше он смотрел на выброс ноги, тем больший его охватывал ужас. Сначала ужас прокрался в глаза, потом вздыбил шерсть на загривке, а окончательно разойдясь, подбросил кота вверх и в сторону и швырнул в кусты. И уже из кустов, из безопасности выглядывая: «Эй, ты чего? Не ходи так! Страшно же!»

А человеку тоже было страшно. От того, что он больше никогда в жизни не сможет бегать или танцевать, как прежде: «шаг-приставка-шаг» – па шассе, без паузы.

Снеговик

Первый снег был никакущим. Слой тоненький, ни на что не годный. «Годный, годный!» – решили бывалые и, попробовав снег (ура! лепится!), тут же принялись за работу.

Снеговика вылепили, скатав для трёх шаров весь снег со

своего участка. Оставили голую землю, но не всю. Часть земли пошла на снеговика, и поэтому он получился очень условно белым. А дальше была оттепель, и снеговик понемногу таял. Однако, он не сильно уменьшался в размерах – просто становился с каждым днём всё чернее.

Потом выпало много снега, и дети кружили по участку с лопатами и санками, а снеговиков больше не лепили. Ведь у них уже стоял снеговик – чёрный как уголь, – и он им нравился.

Не принц

Мальчик простенький, а она – красавица Мальвина, в ярком деревянном домике. Он бросал мяч как бы в неё. Но так, чтобы точно не попасть. А она даже не делала вид, что испугана. Гордо и неподвижно «фигурировала» в окошке.

Потом она повисала на «лазалке», вниз головой, и у неё спадала панамка. Он поднимал и, когда она спускалась, аккуратно пристраивал, а она презрительно фыркала и сбрасывала. Свою собственную панамку. На землю.

Понимала, что за ней ухаживают и форсила. Она ведь уже давно, лет с трёх – принцесса, а мальчик – просто мальчик, никакой не принц. И она не пойдет за него замуж.

Великий уравнитель

Вокруг неравенство, иерархия, цепочка пищевая. Кто-то альфа, а чьё-то место – ближе к концу алфавита. C'est la vie, как иначе?

У соседки сверху – попугайка зелёненький. Речь освоил – шелестит механическим голосом: «Петруша хор-р-роший, а Топочка – дур-р-рак!» Петруша, понятно, – он сам, а Топочка – хомячок в трёхлитровой банке. На вате сидит и сквозь банку смотрит, в руках – семечка.

Кроме этих из живности – тараканы. Не такие забавные, как Петруша, не такие пушистые, как Топочка. И поэтому хозяйка их активно не любит. Разными способами.

Отчаявшись, купила великий уравнитель. Да не Кольт, ну что вы! Баллончик аэрозольный, против ползающих. Дверь на кухне закрыла и применила отраву согласно инструкции. Аэрозоль сначала уравнял тараканов, а потом, чисто от скуки, пробрался в комнату, где один летал, а другой копошился, и остановил бессмысленную деятельность.

Полегли в картонную коробку рядышком умник Петруша и дурак Топочка. И какая, к чёрту, разница, кто при жизни был круче?

«Я был такой весёленький…»

Даже самые хорошие маленькие мальчики способны довести свою маму до белого каления или, как минимум, поднять ей нервы. И тогда она повышает голос приблизительно до уровня нервов и таким, совсем уже не ласковым голосом проводит воспитательную беседу.

Мой старший обычно переносил укоры стоически, но однажды не выдержал и горько заплакал. Пришлось утешать, а заодно и выведывать, с чего вдруг слёзы. «Я был такой весёленький, а ты меня расстроила», – признался нехотя. Выходит, по утраченной радости, по себе прежнему горевал.

Мы пробираемся сквозь годы – то лугами шёлковыми, то терновой пустошью, и, когда больно, замазываем раны при помощи сомнительного утверждения о том, что несмертельное обязательно сделает нас сильнее. А по ночам тоскуем и плачем о себе прежних – таких весёленьких, какими мы были хотя бы «одну беду тому назад».

У попа была собака

Если бы меня спросили, как я представляю себе эту собаку, я бы ответила: «Чёрная, лохматая, хвост колесом и зовут Жучка». Мужу задала такой же вопрос – сказал, не задумываясь: «Как старый щенок».

Хорошо жить в городе, но рядом с лесом. Лес сосновый, чистый, из зверей – зайцы, белки и косули, не так чтобы часто, но увидеть можно, и, конечно, те, кто отлично понимает слово «Гулять!». Именно из этого леса муж взял и передал попу на содержание «старого щенка».

Старый щенок

Однажды на лесной дорожке мы увидели двух девочек-подростков. Они шли нам навстречу и вели на поводке подростка-щенка, похожего на тонконогого оленёнка, только не в белых пятнах, а в чёрных и палевых. Когда мы поравнялись с милой троицей, то увидели, что это был и не щенок вовсе, а вполне себе взрослый, состоявшийся пёс.

Одна из девочек, обращаясь к нам, сказала: «Вы не хотите взять себе эту собачку? Мама прогнала его, больше в квартиру не пустит». Услышав отрицательный ответ, девочки пошли предлагать изгнанника дальше, а он шагал рядом с ними и радовался.

Прошло время. По-прежнему похожий на щенка пёс хо-

дит гулять в лес то с девушкой, то с её матерью, а в свободное время любит сидеть на подоконнике в той квартире, из которой его когда-то выгоняли.

Вайс

Вайс полностью соответствовал своему имени, если перевести его с немецкого. Он был абсолютно белым. Когда мы познакомились с ним, он находился в уже очень преклонном возрасте и во время прогулок медленно шёл за своим тоже немолодым, но вполне ещё бодрым хозяином.

Мужчина любил своего друга и очень расстроился, когда объявив: «Гулять!» и надевая обувь, нечаянно ударил Вайса по носу металлическим рожком. Пёс громко взвизгнул – от боли, не от обиды – и доверять хозяину не перестал. Он просто сделал выводы и, когда слышал заветное слово, не подходил к двери, а стоял на безопасном расстоянии до тех пор, пока рожок не возвращался на место. Вайс больше не хотел подводить своего человека.

Юта

Юта не была похожа на других хаски из нашего леса – у неё был рыжий окрас. До этого нам встречались только чёрно-белые её сородичи.

Мы всегда знали, побывала ли Юта на прогулке. Это легко определялось по свежести вырытой ямы. Лес для рыжей хаски был местом охоты, и она пыталась добыть всех, кого

можно: мышей из-под земли, белок с дерева и зайцев отовсюду. Хозяйка ютиной добычей не хвасталась, значит, для Юты был важен сам процесс. «Мама мыла раму, Юта рыла яму», – смеялись мы, обходя очередную ловушку.

Этой собаке определённо некуда было девать свою энергию. Однажды, когда мы остановились поговорить с её хозяйкой, Юта придумала себе игру. Она поздоровалась со мной, и, немного опасаясь высокого, крепкого мужчину, стала вопросительно смотреть ему в глаза. Муж, не зная, что ей предложить, расставил руки в стороны, делая вид, что хочет её поймать. Что тут началось! Юта самозабвенно носилась из стороны в сторону, делала зигзаги, восьмёрки, только что не кувыркалась через голову, а закончив это безумие, снова подходила к мужу и смотрела ему в глаза. Он делал вид, и бешеные скачки начинались снова.

Юта твердо знала, чего она хочет, и, если вдалеке показывалась женщина с собакой, а собака начинала носиться как заводная, мы уже знали, что эта собака – рыжая хаски, которая готовится к тому, что весёлый, добрый мужчина посмотрит на неё и расставит руки в стороны.

Потом Юта переехала, на тропинках исчезли ямы, а лесные мыши, белки и зайцы вздохнули свободно.

Жужа

Возле одной из лесных дорог – взбирающийся на холм брусничник, на холме камень, а на камне большими букв-

ми – ЖУЖА. Старательно болгаркой вырезано и выглядит, как скандинавские руны. «Хорошо, что в имени не было буквы «о», – задолбались бы выпиливать», – прокомментировал муж.

А когда по этому лесу уже на машине ехали, увидели рядом с дорогой кладбище домашних животных. «Жужарий», – сказал водитель.

Руфь

Руфь – французская бульдожка. Ходила, переваливаясь на коротких лапах, и всё время фыркала. Казалось, она постоянно произносит своё имя, причём иногда даже с буквой «р».

Макс

Макс был самоедом, и будучи способным тянуть груз, в несколько раз превышающий его собственный вес, он самостоятельно определял, где будет проходить прогулка, особенно тогда, когда его выводил не сам хозяин, а его хрупкая супруга. Мощный пёс выгуливал её с наслаждением и с таким же наслаждением и непременной улыбкой он занимался грабежом.

Он мог отобрать у ничего не подозревающего встречного корзину с грибами осенью или стянуть рукавицу зимой, и поэтому хозяин иногда предупреждал людей держаться от своего пса подальше. Если Максу всё же удавалось завладеть ка-

кой-нибудь бесполезной для любой другой собаки, но очень нужной лично для него вещью, вынужденному соучастнику гоп-стопа стоило большого труда заставить его разжать зубы. Иногда бывало легче просто взять у пострадавшего телефон или адрес и договориться о возврате.

Когда хозяин самоеда останавливался, чтобы поговорить со знакомыми, пёс начинал нагло и демонстративно скучать, а именно: поедать сосновые ветки и шишки, причём он их не только грыз, но и проглатывал. Он знал, что беспокоящийся о его здоровье хозяин тут же оставит собеседника и продолжит путь в интересном для него направлении. Слово «него» в последнем предложении, естественно, обозначает Макса.

Граф

Граф был огромным, размером с телёнка алабаем, и хозяин его был именно таким, каким и должен быть человек, способный этому псу приказывать. Мужчина понимал, какое впечатление производит его друг на людей и собак помельче и старался выбирать для прогулок безлюдные лесные тропы. Мне был интересен этот опасный, умный зверь, и я заговорила с его хозяином первой. Человек охотно вступил в разговор и поведал, среди прочего, что в основном его алабай живет на хуторе и только иногда выезжает в город.

Как-то осенью хозяин Графа посетовал, что тот потерял аппетит, а приблизительно через месяц мы увидели их в последний раз. Мужчина сообщил, что у Графа опухоль и что

на следующий день назначена операция.

«Извините, я тут выпил немного», – признался он, и по его щекам покатились слёзы.

Незнакомая собака 1

Эту собаку мы видели всего один раз и недолго.

«Ну, поворачивай давай, домой пора, но сначала зайдём в магазин», – сказала ей хозяйка. Собака улыбнулась и, забегая к хозяйке то с одного, то с другого бока и заглядывая ей в глаза, начала прыгать и радостно лаять, но не отрывисто, а целыми предложениями.

«Что ты завелась?» – удивилась хозяйка.

«Сама собаку завела, во всех смыслах, а теперь удивляется», – усмехнулся муж.

Незнакомая собака 2

Золотистый ретривер гулял вдали от других собак. Он приезжал в лес на дорогом внедорожнике и ходил среди сосен неторопливо, с достоинством, как будто прогуливаясь по собственному саду.

Машина всегда останавливалась на одном и том же месте и зимой оказывалась прямо поперек лыжни. Спускаясь с холма, мы были вынуждены маневрировать, чтобы её объехать, и я опасалась, что когда-нибудь такие манёвры закончатся неприятностями. А золотистый ретривер даже не удостаивал лыжников взглядом.

Незнакомая собака 3

Размером и окрасом этот пёс был похож на волка, и глаза его были какие-то не совсем домашние. Он бежал размеренно и волочил за собой длинную и очень толстую железную цепь, такую, какой обычно навязывают крупный рогатый скот. Побег ему удался, но радость от обретённой свободы была неполной.

«Бедолага», – сказал мой спутник, глядя ему вслед, а потом что-то задумал и свистнул. Пёс остановился, и человек медленно пошёл в его сторону. Я заволновалась – кто знает, что могло быть на уме у собаки, которую держали на такой прочной цепи.

Спокойно разговаривая с беглецом, муж стал снимать ошейник. Пришлось немного повозиться, прежде чем тяжёлая цепь легла на траву, свернувшись, как удав, и Джанго, наконец, стал по-настоящему свободен.

***

У мужа когда-то была своя собака – Фрида, она же Фридуся, она же Дуська, и он намного лучше меня в братьях наших меньших разбирается. Но я всё же думаю, что у попа жил не старый щенок, а чёрная лохматая Жучка.

Распустила Таня косы

Три с половиной года разница. Когда ходить научилась и к словам привыкла, попробовал поиграть с нею. В самое простое – в магазин. На полу товар разложил, сам сел рядом – подходите, выбирайте. Охотно притопала, на руку сандалем своим крепким наступила и стоит. Руку выдернуть – упадёт покупатель. Пришлось вежливостью: «Куда Вы лезете?» Подумала и ногу убрала. А купить ничего не смогла. Ещё не было на это соображалки.

Потом соображать наловчилась, стихи повыучивала, песни всякие, и давай выступать, где придётся. Конфеты зарабатывать. Никого не стесняется. Артистка.

Я тоже один раз выступил. Случайно. Бабушка взяла с собой на концерт. Там в основном песни пели. Одна была красивая очень – про какую-то бандуру. И так медленно и грустно эта мелодия пелась, что не выдержал – поднялся, да и помог, подтянул голосом – тоненько, но слышно. Те, кто спереди, обернулись посмотреть, и не засмеялся никто. Наверное, хорошо получилось.

А наша артистка клоунов боялась. Клоуны смешные такие: ботинки огромные, носы красные. С лестницей возятся, друг другу на голову надеть пытаются. Все вокруг хохочут, а эта – в крик. Даже как-то стыдно было. Люди смеются, а в нашем ряду рёв стоит. И ещё самолётов боялась. Как уви-

дит самолёт, сразу в дом бежит прятаться. Придумала, что самолёт ей на голову сядет. Умора!

А так очень способная. Во всём по следу идёт. Стал букварь осваивать – тут же пристроилась. Буквы у мамы повыклянчивала и давай читать, не останавливаясь. Букварь закончила – перешла на всё подряд. Газету дадут: «Почитай, Танюша!» Та радуется, читает. Сама ничего не понимает, лишь бы слова поскладывать. За это ещё и конфетку. А за меткость из рогатки ничего не дают. Наоборот, даже поругать могут.

И за доброе дело не всегда хвалят. Вот, например: родители на работе, бабушка в магазин ушла, а вашу Танечку кто будет развлекать? Одел как умел и повёз на большую снежную горку кататься. Когда домой пришли, бабушка всполошилась: «Ой-ой-ой, такой холод, а сапожки у Танечки на босы ножки». Было бы из-за чего ойкать. Мы назад очень быстро вернулись. Один раз всего с горки съехали. На дорогу, чуть не под грузовик. Шофёр высунулся из кабины и сказал сейчас же домой идти. Так что не успели босы ножки замерзнуть, не переживайте.

Бабушка вообще любит за маленькую Танечку переживать. И хвалить её любит: «Распустила Таня банты, а за нею лейтенанты. Распустила Таня косы, а за нею все матросы».

Ерунда какая-то, неправда. Ну ладно, банты иногда бывают, но кос-то нет. Стрижка. Поэтому пришлось переделать по-своему: «Распустила Таня косы, а за нею все никто». Ко-

сы всё равно остались, но хоть матросов убрал.

Причём тут вообще лейтенанты и матросы? И что ваша Танечка про армию знает? Сказал, что её в армию возьмут. Спросила: «С мамой?» Как узнала, что без мамы, сразу в слёзы. То-то! Не всё петь да танцевать…

***

Косы потом и плелись, и распускались – в школе, а вот матросы и правда не преследовали. Муж – морской офицер, бывший, но бравый. Из Голландии изразец привёз. Голубым по белому: мальчик скользит на коньках, перед собой саночки катит, в саночках – девочка. «Это тебя братец в армию везёт, – улыбнулся. – Сапожки на босы ножки».

Кто за что – поднимите руки

Давным-давно это было. На колхозном собрании. Где проходило собрание, какие вопросы решали – не знаю. Не спросила у бабушки. Пришлось мизансцену самой выстраивать, с опорой на старые советские фильмы: вечер поздний, для света – лампы керосиновые, бабы в хустках сидят, переглядываются, мужики цигарки смолят.

А дальше пересказ того, что от бабушки слышала.

Руководить собранием был выбран Михалка – муж Ленина. Это жену его, Михальчиху, так в деревне величали, за ум и прозорливость. За глаза, конечно. Михалка тоже был мужик толковый, грамоте знал, и себе цену. Собрание вёл степенно, важничал. Основной вопрос, как надо, поднял, слово дал одному, другому, и пришла, наконец, пора поставить вопрос на голосование. И тогда оглядел Михалка присутствующих и призвал, на свою беду: «Кто за что – поднимите руки!»

Народ взял секундную паузу, чтобы в полной мере осознать услышанное, и, набрав воздуха, провалился в хохот. Ермачок даже с табуретки рухнул. Полный бардак. Тут бы и закончить собрание, но Михалка решил продолжить. Перетерпел, выждал, пока смех немного утихнет, и, как с чистого листа, с надеждой начал: «Кто за то…»

«И-и-и-х…» – стиснутыми голосами снова взвизгнули ба-

бы, «у-у-у…» – волками завыли следом мужики.

«Ну, посмеялись и будет», – строго сказал Михалка, когда вторая волна хохота, изнемогая, пошла на спад. Однако бабы взмолились не голосовать больше, особенно те, что постарше, и те, что боялись родить раньше срока.

Ничего в тот вечер не решили, а когда решили и как – не рассказала бабушка. Дальше, может, было и не смешно вовсе, а бабушке нравилось смешное рассказывать.

Она вообще любила смеяться. И папа любил. И мама.

Конфетка, белочка, котлетка

В третьем классе школьный психолог предложила нашим детям анкету, где, среди прочего, был задан вопрос: «Может ли еда улучшить твоё настроение?» Почти все мальчики в классе, не задумываясь, ответили «да». Почти все девочки, немного подумав, ответили «нет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.